

УДК 82.09:821.511.152

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-2-325-333

Тематическое своеобразие сатирической поэзии Марины Слугиной

С. В. Шеянова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению сатирической поэзии эрзянского поэта Марины Слугиной. Предметом исследования являются проблемно-тематические и мотивно-образные кластеры её сатирических произведений, художественные приёмы и средства создания сатирического дискурса.

Цель: раскрыть тематическое своеобразие сатирической поэзии М. Слугиной, определяя её мотивы и образы.

Материалы исследования: сатирические стихотворения, басни, стихотворные сказки М. Слугиной.

Результаты и научная новизна. В результате проведённого исследования приходим к заключению о том, что выбор объекта осмеяния и обличения в сатирической поэзии М. Слугиной обусловлен творческой концепцией автора, его критическим мироощущением. Сатирическому осмыслению подвергаются различные сферы современной действительности – социально-экономическая, национально-культурная, семейно-бытовая. В произведениях поэта выделяется ряд проблемно-тематических кластеров: духовно-нравственное состояние и этические приоритеты современного социума, экология природы, сохранение национальной идентичности, трансформация, вымирание эрзянского языка, финансовое благополучие людей и нестабильность общества, семейные ценности и поиск личного счастья, принципы и методы воспитания подрастающего поколения, занятия современных детей. Авторская сатира сфокусирована на собирательном образе «хозяев жизни» и работяг, нерадивых чиновников, общественных деятелей, руководителей-псевдодемократов, современников, которые явились порождением национально-общественной среды, нравственно деградировавших современников, в которых легко угадываются реальные деятели нашего времени. Сатирическая типизация в произведениях достигается использованием тропов (метафора, гипербола, аллегория, сравнение), фигуры речи (антитеза), художественного приёма (аллюзия, маска, пародия, сарказм). Научная новизна статьи заключается в том, что сатирические стихотворения М. Слугиной впервые становятся объектом научной рефлексии и вводятся в контекст финно-угорского литературоведения.

Ключевые слова: современная мордовская поэзия, М. Слугина, сатирическое стихотворение, басня, тема, персонаж, художественный приём

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00098, <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Для цитирования: Шеянова С. В. Тематическое своеобразие сатирической поэзии Марины Слугиной // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 2 (57). С. 325–333.

Thematic originality of the satirical poetry by Marina Slugina

S. V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: The article is devoted to the study of the satirical poetry by the Erzya poet Marina Slugina. The subject of the research is the problem-thematic and motif clusters of her satirical works, artistic techniques for creating satirical discourse.

Objective: to reveal the thematic originality by M. Slugina's satirical poetry, to determine the motifs and images.

Research materials: satirical poems, fairy tales, poetic tales by M. Slugina.

Results and novelty of the research: as a result of the research, we come to the conclusion that the choice of the object of ridicule and denunciation in the satirical poetry of M. Slugina is determined by the creative concept of the author, her critical attitude. Various spheres of modern reality are subjected to satirical interpretation – socio-economic, national-cultural, family and everyday life. The poet's works highlight a number of problematic and thematic clusters: the spiritual and moral state and ethical priorities of society, the ecology of nature, the preservation of national identity, transformation,

the extinction of the Erzya language, the financial well-being of people and the instability of society, family values and the search for personal happiness, principles and methods of education the younger generation, activities of modern children. The author's satire is focused on the collective image of the "masters of life" and hard workers, negligent officials, public figures, pseudo-democratic leaders, contemporaries who were the product of the national social environment, morally degraded contemporaries in whom real personalities are easily discerned. Satirical typification in works is achieved by using metaphor, hyperbole, allegory, comparison, antithesis, parody, allusion, as well as elements of utopia, sarcasm, and mask. The scientific novelty of the article is determined by the fact that M. Slugina's satirical poems for the first time become the object of scientific reflection and are introduced into the context of Finno-Ugric literary criticism.

Key words: modern Mordovian poetry, M. Slugina, satirical poem, fable, theme, character, artistic technique

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00098, <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

For citation: Sheyanova S. V. Thematic originality of the satirical poetry by Marina Slugina // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies. 2024; 14 (2/57): 325–333.

Введение

Теория сатиры – одна из самых сложных и дискуссионных областей литературоведения, что во многом обусловлено самим понятием «сатира», появившимся ещё в древнем Риме. В исследовании её природы, этапов эволюции, эстетических структур и художественных возможностей, содержательных и формальных признаков сатирических жанров велика роль зарубежных исследователей [18; 19; 20; 21; 22 и др.]. В научно-теоретической концепции отечественных учёных сатира получает разнообразные интерпретации: особая форма художественного осмысления жизни (Л. Ф. Ершов), определённое отношение творящего к предмету своего изображения или пафос (Г. Н. Поспелов, Е. Г. Руднева), четвёртый литературный род (Ю. Б. Борев, Я. Е. Эльсберг, А. М. Макарян, Л. И. Тимофеев), бесспорной признаётся бахтинская идея о восприятии сатиры как образного отрицания действительности и положительного момента утверждения лучшей реальности.

Особенности сатиры литературоведы усматривают в «бескомпромиссности суждений о предмете осмеяния, присущей именно ей откровенной тенденциозности, способе выражения авторской индивидуальности, стремящемся установить границу между собственным миром и предметом обличения» [7, 25]. В последние десятилетия сатирическое изучается в разных аспектах – истории развития и типологии жанров [2; 4; 6; 9; 10; 11; 15], рецепции традиций сатиры в творчестве отдельных авторов [1; 5; 12; 17], специфики восприятия и интерпретации действительности сквозь призму сатирического [8; 13; 14] и т. д.

В мордовском литературоведении проблемы комического, сатирической поэзии в частности, изучены в работах В. И. Дёмина [2; 3],

по утверждению которого становление её художественного своеобразия шло «от излишней прямолинейности, риторики и описательности, к усилению философско-аналитических основ» [2, 31], формирование жанровой системы было обусловлено мастерством национальных поэтов передавать типичный материал посредством разнообразных средств – «гротеска и сатирической гиперболы, психологического анализа и пародийного «отстранения», сарказма и иронии, смыслового каламбура и окарикатуривания» [2, 32] и, как результат, привело к конструированию жанровых моделей сатирического стихотворения, эпиграммы, пародии, басни, стихотворного фельетона, сатирической поэмы, сатирической повести в стихах.

Основные тенденции развития отдельных сатирических жанров, в частности сатирического стихотворения, эпиграммы, басни, пародии, шаржа, их канонические признаки и трансформации в современной мордовской поэзии рассмотрены в работе О. И. Налдеевой [10], которая определяет их как периферийные, не занимающие ведущих позиций в художественном дискурсе, но в силу своей гибкости «реагирующие на динамичные социально-культурные преобразования» [10, 23], называет их «особым феноменом» [10, 9], что обусловлено, на наш взгляд, изображением ментальных черт эрзян и мокшан, раскрытием сатирического модуса на национальной почве.

На рубеже XX–XXI вв. в мордовской литературе наиболее активно развивается сатирический рассказ, что, предопределяется деструктивными обстоятельствами рубежной эпохи, творческим поиском форм и приёмов осмысления негативных реалий социума и сторон человеческой природы. Сатира становится неотъемлемым компонентом эстетического отражения

проявлений действительности, характеров, её элементы можно обнаружить даже в тех произведениях (к примеру, в романах А. Дорони-на «Перепёлка – птица полевая», Е. Четвергова «Ванечка», «Здесь и Там», А. Брыжинского «У любви краски свои» и др.), идейная направленность которых не предполагает отрицательной оценки жизненных явлений. Её востребованность в творческом процессе объясняется «социальной и нравственной миссией», «борьбой со всяческого рода пороками во имя оздоровления общества» [6, 3]. В последние годы в силу объективных факторов (смена творческих поколений, изменение ценностной сферы общества, обновление технологий отражения действительности, моделирования образа) укрепляет свои позиции сатирическая поэзия, что подтверждает положение о том, что «каждый конкретно-исторический период способен воздействовать на идейно-художественную природу сатиры» [11, 4]. В сатирических опытах национальных поэтов не только отражаются приметы времени, обличаются отрицательные явления, но и утверждаются общечеловеческие ценности, транслируются нравственно-этические концепты.

Научная значимость статьи обусловлена тем, что сатирическая поэзия М. Слугиной, отличающаяся жанровым разнообразием, проблемно-тематической содержательностью, образным богатством, до настоящего времени не становилась предметом научного исследования, не введена в финно-угорский литературоведческий контекст, между тем, поэт признаётся одной из наиболее продуктивно работающих в настоящее время авторов, реализующих свой творческий талант в лирике, жанрах послания, басни, стихотворной сказки, песни. Изучение тематического, стиливого, мотивно-образного своеобразия её сатирических произведений позволит не только определить специфику творческой концепции автора, выявить формирующие её поэтическую мирореальность факторы, но и расширит представления о стратегии национальной литературы в целом.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили сатирические стихотворения, басни, сказки М. Слугиной из сборника «Тюст» («Оттенки»).

В работе использованы традиционные методы литературоведческого анализа: историко-культурный, метод целостного анализа

художественного текста, а также интерпретационный подход.

Результаты

Сатирическая поэзия в мордовской литературе имеет богатую традицию, восходящую к календарно-обрядовой (песни-веснянки *лиянат, толиямат, вийанамат, уянамат, эвиямат*) и семейно-обрядовой (свадебные песни) культуре эрзян и мокшан, определённым образом развитую в творчестве крестьянских писателей, в частности поэмах сказового типа И. Зорина, активно разрабатываемую на протяжении XX в., доказательством чего являются сатирические стихотворения, басни, эпиграммы, пародии, шаржи, дружеские послания А. Мартынова, А. Щеглова, И. Девина, М. Бебана, И. Шумилкина, А. Эскина, М. Моисеева, П. Бардина, М. Моторкина, А. Тяпаева, П. Любаева, С. Кинякина, В. Нестерова, И. Ишуткина, Н. Циликкина и др. Сатирическая рецепция действительности в национальном поэтическом дискурсе ожидаема и обусловлена «отличительной чертой менталитета мордовского народа – осмыслением явлений действительности сквозь призму юмора и сатиры» [10, 28].

Сатирическое мировосприятие характерно для работающих в настоящее время авторов-женщин. Необходимо вспомнить стихотворения Л. Рябовой «Последний», «Разговор с Пургазом», «Крови будущего», «Вкладываешь душу, спину гнёшь...», А. Подгорновой «Я птенец, родившийся вне гнезда», «Гой еси, святая Русь», «Сегодняшняя наша страна – не вчерашняя...», её басни «Дятел», «Муравей и топор», которые свидетельствуют о том, что сатира как один из элементов художественной парадигмы органично вписывается в теорию «женского» взгляда и может составить концепцию национального женского письма, опровергая «идеологию гегемонной маскулинности» [1, 3], определявшую мордовскую литературу на протяжении XX в.

Сатирические произведения М. Слугиной – стихотворения, басни, сказки – составили две части поэтической книги «Оттенки» [16]: «Кельть-валт» («Языки-слова») и «Мезе машты эрзянь келесь?» («Что умеет эрзянский язык?»).

В стихотворениях «Неень шкань ламо ломантне Апокалипсис учить...» («Сегодня многие ждут Апокалипсис...»), «Нурямот» («Качели»), «Урекчи» («Рабство»), «Аламо» («Мало»), «Киеяк тенк мезеяк эзь алтне...»

(«Никто вам ничего не обещал...»), «Эрятано – сталмонь ускозь...» («Живём, таща груз...»), «Чаво вакан» («Пустая миска»), «Тирина ёнкс» («Родная сторона») обличаются негативные проявления современной действительности, в сатирическом ракурсе осмысливается нивелирование традиционных духовно-нравственных ценностей, этических принципов и норм, проблемы экологии окружающей среды, финансового благополучия общества.

Органичный синтез сатиры и лирической экспрессии наблюдается в стихотворении «Сегодня многие ждут Апокалипсис...». Автором констатированы характер и детали взаимоотношений в современном социуме: *кежсэ лакить седейть* ‘во злобе кипят сердца’, *ломань ломанень маши ты* ‘человек человека убьёт’, *вейке вейкенъ сёвнотано* ‘ругаем один другого’, *ялга ялганъ ваявттанно* ‘друг друга топим’, *кецнетяно, кие прась* ‘радуемся, кто упал’ [16, 116]¹. Однако «несчастные люди» не осознают пагубности, греховности своих мыслей, действий, поступков, они боятся наступления Апокалипсиса, готовятся спрятаться от него в церквях, которые *теке вирьсэ пангт касыть* ‘растут словно грибы в лесу’ [16, 116], не понимают, что *меельце чись умок сась* ‘последний день давно наступил!’ [16, 116]. Автора волнуют не только вопросы взаимодействия в социуме, но и проблемы сохранения природного баланса. Картина экологической катастрофы («*Коштьсь, ведесь уш пацьказь, / Виртне кадновсть тия-тува, / Шукшпрясэ модась вельтязь!*») ‘Воздух, вода уже испачканы, / Леса остались кое-где, / Мусорными кучами земля покрыта’ [16, 116]) соотносится с онтологической идеей об ответственности людей за своё будущее: *Ломанть сынсь эсь прясэ истожить, / Секс мекс тейнить берянь тевть* ‘Люди сами себя губят, / Потому что делают плохие дела’ [16, 116].

В стихотворении «Рабство» сатирически имплицированы реалии современной социально-экономической действительности – низкие зарплаты, увеличение пенсионного возраста, тяжёлые условия труда, высокий процент заболеваемости населения, посредством которых отражается объективная картина финансового неблагополучия общества. Материальное положение определяет психологическое состояние людей, эмоционально истощённых («*потмургадсть ломань чачотне*») ‘погрустнели лица’),

изнурённых тяжёлой работой («*поки сталмондонть сезневить почотне*» ‘от тяжестей разрываются пупки’), с самосознанием раба («*важодиця уреть – рудазс нерьгезь*» ‘рабы для работы – втоптаные в грязь’), ожесточившихся («*певтеме кежденть чикордыть пейть*» ‘от безмерного зла скрежещут зубами’), ненавидящих друг друга («*ломань ломанентень – ят ды верьгиз*» ‘человек человеку – враг и волк’) [16, 108]. Введённая в текст саркастическая цитата известного политика «*Арасть ярмакт, ансяк кирдеде!*» ‘Денег нет, но вы держитесь!’ [16, 108] трансформируется в гиперболизированную бытовую ситуацию: «*Ды шлёбордат чаво ям салтомо, / Режнезь ловсодо, улконъ кишиде...*» ‘И хлебаешь жидкий суп без соли, / Кислое молоко, позавчерашний хлеб...’ [16, 108]. Поэт бескомпромиссен в оценке недоработок, упущений в финансовой системе, сфере здравоохранения, социальной поддержки населения.

Стихотворение «Живём, таща груз...» построено на сатирическом сравнении: безвольное («*аштетяно келень сускозь*» ‘живём, прикусив язык’), безропотное («*а правттанно чирь валгак*» ‘не бросаем неудобного слова’) общество сопоставляется с телёнком на привязи («*Некеть тевенек, прок вазонь: / Ков содсамизь, уреть пазонь*» ‘Дела у нас, как у телёнка: / Куда повесят, рабов божьих’ [16, 117]). Характеризующие положение животного детали («*пиксэсь пек нурькине*» ‘короткий поводок’, «*кумажава рудаз*» ‘грязь по колено’, «*кирганиксэсь колиясо*» ‘поводок у кольшка’) вызывают соответствующие ассоциации и аналогии с социальным миропорядком.

В построенном на сатирической гиперболе стихотворении «Пустая миска» обилие вопросов, побуждений вовлекает читателя в процесс обсуждения ситуации вокруг стадиона «Мордовия Арена», построенного к Чемпионату мира по футболу 2018 г. Огромный спортивный объект достаточно сложно обслуживать, он требует материального обеспечения, что вызывает у героини негодование: «*Истякак ярмакт арасть, / Ней «Мордовия Арена» / Пряно трямо тенек сась*» ‘И так денег нет, / Теперь «Мордовия Арена» / Кормиться к нам пришла’ [16, 139]. Она достаточно резко отзывается о стадионе, называет его *ожо-якстере варя* ‘жёлто-красной дырой’, *ажияшка вакан* ‘миской с оглоблю’, *шайтняника апаро* ‘дьявольским злом’. Негативная

¹ Перевод здесь и далее подстрочный. Выполнен – С. Ш.

интенция героини вызвана не отрицательным отношением к спорту, а неопределённостью, связанной с облуживанием стадиона («*Кие ней карми “андомо” / Ожо-якстере варянтъ? / Паряк, зепстэнек пандома? / Эсенек стувтома прянтъ? / Кто теперь будет “кормить” / Жёлто-красную дыру? / Может, из нашего кармана платить? / Забыть о своих нуждах?*» [16, 139]), переживанием о том, чтобы эти затраты не отразились на доходах жителей республики.

В стихотворении «Мало» вопрос финансовой обеспеченности имплицитно сквозь призму духовных констант и трансформируется в проблему зависимости человека от материального. Деньги воплощают зло, которое может привести к трагедии («*Кисэст ламо рунгот синдэзь / Ды эрямот максозь...*» ‘Из-за вас многих сломали / И жизни отданы’ [16, 104]), они обуславливают образ жизни человека, его поведение, и даже настроение – причина «*чамаст ломантнень потмурат*» ‘грусти на лицах людей’ непременно объясняется отсутствием или нехваткой денег «*ярмакт пандыть аламо*. Метафорической строкой «*Эрвантъ пазозо – поки ярмакт! / Кисэст мольтяно толс-ведьс*» ‘У каждого бог – большие деньги! / За них пойдём в огонь-воду!’ [16, 104] транслируется, что приоритетом в обществе является не духовное совершенствование, а накопление материальных ценностей.

В стихотворении «Родной край» хаос, неопределённость, нестабильность современной действительности, дисгармония в социуме отражаются посредством «*ошось кежей Содом*» ‘злого города Содомы’ [16, 98]. Аллюзия к библейскому сюжету наделяет современный мегаполис негативной коннотацией, он противопоставляется природному хронотопу. Поэт находит такие метафорические детали, которые позволяют ему остро обозначить проблему экологии города («*чинева машинат эвтить*» ‘вонючие машины ездят туда-сюда’, «*кевень кудот касыть*» ‘каменные дома растут’ [16, 98]). В авторской рецепции город – чужое, небезопасное, враждебное.

Отдельный пласт сатирической поэзии М. Слугиной составляют произведения о деэтнизирующей действительности – утрате национального самосознания, этнической идентичности, ментальности, бессознательном отношении к уникальности эрзянского языка, ответственности за его будущее («*Кельть-валт*» («Языки-слова»), «*Эрзямо*» («Превращение в эрзя»), «*Овтонь форум*» («Медвежий форум»),

«*Мезе машты эрзянь кель?*») («Что умеет эрзянский язык?») и др.).

В стихотворении «Языки-слова» автор осмеивает «большой прогресс» – «*Моданть “кельгстизь” Интернетс*» ‘Землю “поместили” в Интернет’ [16, 96], результатом которого стало переданное в метафоризированной форме нестабильное положение русского, эрзянского языков («*Шаштыть рузонь, эрзянь кельть*» ‘Зашатались русский, эрзянский языки’; «*Ташто валтнэнь ертнизь ведьс*» ‘Старые слова покидали в воду’ [16, 96]), вместо которых используются английские и испанские слова («*бой-фрэнд*», «*мачо*», «*панки*», «*Эльдорадо*», «*Сателлит*»). Комизм социальной ситуации заключается в том, что люди не понимают значения используемых ими иностранных слов, однако их не беспокоит, что «*отьмас ваить ине кельть*» ‘в омуте тонут великие языки’ [16, 96].

Элементы утопии можно выявить в стихотворении «“Превращение” в эрзя», в котором изображается фантастическая ситуация – «*Модамасторось эрзяк кортамо ушодсь*» ‘Земля заговорила на эрзянском’ [16, 122]. Путешествуя по разным городам и континентам, героиня слышит родную речь, её приветствуют, с ней общаются на эрзянском языке («*Весе содыть эрзянь кель*» ‘Все знают эрзянский’ [16, 122]), это её приятно удивляет, умиляет. Однако языковая идиллия – это всего лишь приснившийся героине сон, проснувшись она испытывает определённое разочарование, понимая, что даже сами эрзяне не разговаривают на эрзянском. Она сожалеет, что нет такой болезни, переболев которой «*эрьва эрзясь эрзияволь*» ‘каждый эрзянин стал бы эрзянином’ [16, 123] и никогда не забывал бы родного языка.

Проблема сохранения родных языков оригинально репрезентирована поэтом в стихотворной сказке «Медвежий форум», в которой легко угадывается пародия на современных чиновников, общественных деятелей, организующих съезды, форумы, собрания, совещания, выступающих с длинными речами, разнообразными предложениями по развитию, популяризации национальных языков, но в действительности продуктивно не реализующих свои решения и постановления. Автор изображает саркастическую модель «демократического» государства, основанного на принципах авторитаризма. Представители лесного общества: Заяц, Волк, Лиса и другие звери, живут по законам, установленным хозяином Медведем:

«Сермадозельть овтонь кельсэ, / Овтонь превсэ, овтонь мельсэ...» 'Написанным на медвежьем языке, / Медвежьим умом, медвежьей мыслью...' [16, 130]. Он собрал очередное собрание, объявил его «Вселесным днём зверей», на котором было решено обсудить вопрос «*Ёвтнемс келень ванстомадонк, / Мезть тень кисэ тынь тейтядо* 'сохранения языков, / Что для этого было сделано' [16, 131]. Иерархичность является фактором, задающим поведенческие стереотипы персонажей, определяет их жизненные приоритеты, отношение к языку. Так, Заяц, которому было предоставлено слово для доклада, отказывается говорить на родном языке, боясь расправы со стороны Волка и Лисы («*Вергизт-ривезть марясамизь, / Кудораськенек сэвсамизь*» 'Волки-лисы услышат, / Всей семьей сожрут' [16, 131]). Важным средством сатирического обличения в сказке становится «код "театральности", реализующий метафору "театр жизни" ...или социальный маскарад» [13, 19]. Медведь надевает маску доброго, понимающего, справедливого хозяина, «демократа», интересующегося жизнью зверей, заботящегося о сохранении их языков («*Минек, овтонь, сэтьме корось – / Келенть эйсэ минь вансттанно, / Кода маиттанно касттанно*» 'Наш, медвежий, нрав мягкий – / Язык мы бережём, / Как умеем развиваем' [16, 131]). Пользующиеся его расположением хищники (Волк, Лиса) принимают такие условия существования, мелкие звери руководствуются страхом («*Сорокадсь кывака тилесь, / Чополгадсь сельмсэнзэ виресь*» 'Задрожал длинноухий, / Потемнел в глазах лес' [16, 131]). На самом деле инициатива Медведя относительно «Дня зверей» продиктована не интересом к языкам лесного общества, а возможностью самоутвердиться, закрепить установленные им же авторитарные принципы правления. Несмотря на разоблачение «актёрства» Медведя в финале сказки, его социальное положение не меняется, он остается единоличным хозяином леса. Таким образом автор проводит мысль о том, что «общественная значимость и успешность героя не всегда являются результатом его нравственного и духовного совершенства» [13, 19].

В поэтической концепции М. Слугиной наущными признаются вопросы воспитания, разрушения многовековых педагогических принципов формирования высоконравственного молодого поколения под воздействием глобализационных процессов, в частности информатизации общества. При этом сатирическому

осмеянию подвергаются не только «ученики» (««Ловныця»») (««Читающий»»), (««Ушмодей»») (««Полководец»»), («Ваньксстэ сермадома») (««Чистописание»»), но и «учителя» (««Зыян»») (««Беда»»).

В стихотворении «Беда» сатирически раскрывается проблема отцов и детей. Героиня, пожилая женщина, откровенно признаётся соседке, что переживает по поводу своего взрослого внука, который приехал из города в деревню «отдыхать», «целыми днями крутит "центр"», «слушает песни без души», отказывается «включить песни Кадышевой», грубит старшим. Она искренне негодует: «*Ней жо одтнэнь седеест – прок кевень!*» 'Теперь сердца молодых – словно каменные!' [16, 106], однако ничего не предпринимает, чтобы сформировать в сознании внука нравственные приоритеты. Финальная фраза соседки, афористичная, ёмкая, воспринимается как басенная мораль и одновременно руководство к решению проблемы: «*Сынь допрок а ёмазь – од ломантне! / Максодо, сыреть, тенст эсенк превть, / Сынст оймесэ эрить ТЫНК таланттнэ! / Сыргозтемгаст – ушодома тевть!*» 'Они вовсе не пропащие – молодые люди! / Дайте, старики, им свою мудрость, / У них в душе живут ВАШИ таланты! / Для их пробуждения – начинайте дела!' [16, 106]. В авторской концепции воспитание молодежи – ответственность представителей старшего поколения, они должны найти эффективные принципы и подходы, а начинать процесс необходимо с какого-либо поручения.

В стихотворении ««Ушмодей»») (««Полководец»») осмеивается зависимость современных детей от компьютерных игр, которые управляют сознанием ребёнка, лишают его воли. Петя с утра садится за монитор и начинает «танковый бой», в котором позиционирует себя «*виде-паро ушмодей* 'настоящим полководцем'. Ежедневные занятия ребёнка переданы посредством метафоры – «*«Бойс» церынесь чинь-чоп правтсь! / Изни, палы, ледни!*» '«В бой» мальчик бросается! / Побеждает, горит, стреляет! [16, 147], а их негативные последствия – гиперболы («*Ульнесь Петя церынькинекс / Сыре атякс ней велявтсь*» 'Был Петя мальчиком / Стал стариком' [16, 147]). Сатирическая метаморфоза усиливает экзистенциальный мотив произведения, «переносит» детскую историю в сферу сложных проблем воспитания подрастающего поколения, актуализирует вопрос об ответственности взрослых.

Семейные ценности, поиски личного счастья, самореализация женщины – эти извечные проблемы находят сатирическое осмысление в стихотворениях М. Слугиной «Эх, Москов...» («Эх, Москва...»), «Паро мирде» («Хороший муж»), «Набой ава» («Бойкая женщина»), ««Чиявтызе...»» («Выдала замуж...»). Способом сатирической типизации в стихотворении «Хороший муж» становится маска, посредством которой передаётся мотив поддельности, неискренности человеческих отношений. Матя надевает на себя маску «счастливой жены» и всем своим поведением пытается доказать это (её жизнь – *эрямозо пекшень медесь прок ламбамо* ‘сладкий липовый мёд’, *перькан вели сырнень мирдем* ‘золотой муж обхаживает её’, *ансяк вечкезь мартон кортни* ‘разговаривает с ней с любовью’ [16, 100]). Единственным занятием женщины-домохозяйки является обсуждение соседней – одни ругаются, словно собаки, другие дерутся, «*Осип сими*» ‘Осип пьёт’, «*Петра нинзэ лангс чоп ирны*» ‘Пётр кричит на жену’ [16, 100], она знает, кто «скоро разведётся», кто «ходит налево». Секрет семейного счастья хвастливой Мати раскрывается в финале произведения – её муж уже несколько лет живёт в Москве, приезжает редко – «*Од иестэ, Инечистэ*» ‘на Новый год и Пасху’ [16, 101], поэтому для ссор у них не бывает поводов и времени. Таким образом ей пришлось снять маску, прекратить игру «в идеальную семью». Поэт критически подходит к раскрытию женской природы, натуры лживой, не способной к самореализации и исполнению полноценной роли жены и матери.

Кроме конкретных проявлений социальной и семейно-бытовой сферы в поэзии М. Слугиной сатирически осмысливаются глубокие онтологические темы, извечные бинарные понятия. Так, в басне «Ташто ды од кем» («Старый и новый валенок») в аллегорической форме представлено экзистенциальное противостояние нового (молодого) и старого. В коммуникативном взаимодействии Нового и Старого Валенков прослеживается определённая поведенческая модель. Новый ведёт себя вызывающе, дерзит Старому, пытается убедить, что тот хозяину не нужен: «*Панксонь-панкс ашти кочкарят, / Кандтнемстэть лембе а марят, / Допрок олась равжо тюсот, / Курок петь шукипрясо мусак...*» ‘Клочками твоя пятка, / С тобой тепла не ощутишь, / Совсем выщвел чёрный цвет, / Скоро найдёшь покой в мусорной яме’ [16, 154]. Рассудительный Старый Валенок понимает, что

истинной ценностью является не «внешняя красота» и «молодость», а возможность служить Человеку, быть полезным ему, что он и пытается объяснить Новому. Конфликт между персонажами не разрешается – «*се чистэнтъ саезь кемтне эрить явось*» ‘с этого дня валенки живут порознь’ [16, 154], поскольку экзистенциален по своей сути. Выраженная в финальных строках мораль «*Одось машты покикавтнеме, / Сыресь – тевень якавтнеме*» ‘Новое высокомерное, / Старое – деловитое’ [16, 154] вызывает глубокий аксиологический смысл, расширяет символическую семантику текста, его ассоциативный контекст.

Обсуждение и заключение

Проведённый анализ произведений М. Слугиной позволяет говорить о том, что её поэзия представлена жанрами сатирического стихотворения, сказки, басни, тематическое своеобразие которых заключается в осмеянии, порицании негативных условий, явлений, фактов современной национальной действительности, обусловивших нравственную и моральную деградацию личности. Поэта интересует проблема духовно-нравственного состояния личности и общества в целом, которую он решает посредством ценностной интерпретации, через призму аксиологии, пытаясь понять нравственную природу человека, факторы гармонизации социума, одновременно утверждает человеческую значимость, личностную уникальность. В произведениях сатирическая типизация достигается посредством тропов (метафора, гипербола, аллегория, сравнение), фигуры речи (антитеза), художественных приёмов (аллюзия, пародия, маска, сарказм), элементов утопии.

Резкая критика неэффективной, порой разрушительной, политики отчуждённых от народа чиновников слышна в стихотворениях «Качели», «Рабство», «Никто вам ничего не обещал...», «Пустая миска», «Живем, таща груз...». Факторы и проявления духовно-нравственной деградации социума раскрыты в произведениях «Сегодня многие ждут Апокалипсис...», «Мало», в которых автор, приверженец гуманистической концепции, жёстко транслирует, что материалистические принципы порождают признаки нравственной деградации, переоценки культурных ценностей, что ведёт к моральному упадку и проявлению негативных качеств в человеческой природе.

Проблема национальной идентичности, этнокультурной самобытности эрзян, уникальности эрзянского языка решается М. Слугиной в сказке «Медвежий форум», пародии на современные национально-культурные мероприятия, в которой удачно используется приём маски, метафора «театр жизни», элементы сарказма для изображения «демократического» общества под руководством авторитарного «хозяина». В басне «Старый и Новый Валенок» антиномичные аллегорические образы помещаются в экзистенциальную этическую ситуацию.

Объектом сатирического осмысления в поэзии М. Слугиной становятся современные принципы воспитания подрастающего поколения, обусловленные информационными технологиями, иными коммуникативными возможностями, порой нивелирующими классические подходы к формированию нравственной личности. В мирореальности поэта старшие на собственном

примере должны транслировать детям общечеловеческие ценности.

«Женская» тема в сатире поэта решается в аспекте как феминистского сознания социума, так и авторской эстетической концепции, основанной на традиционных ценностях и представлениях.

Пространственно-временная организация сатирического мира М. Слугиной определяется пережеванием реально-исторического плана (художественное время соотносится с реальным, пространство характеризуется географической и детальной достоверностью, для чего автор упоминает реальные города, сёла, спортивные объекты, культурно-массовые мероприятия, фамилии, фразы известных людей, социальные сети, Интернет-ресурсы) и имеющих бытовую окраску элементов фантастики (диалог Старого и Нового Валенков, съезд зверей, разговаривающий на эрзянском языке мир и др.).

Список источников и литературы

1. Беспалова Е. К., Глухенькая Л. Н. Постмодернизм Кэрл Энн Даффи: сатира и женское письмо // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 3–21.
2. Демин В. И. Комическое в мордовской литературе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1998. 55 с.
3. Демин В. И. Мось раскеем раки... (Мой народ смеется...). Саранск: [б. и.], 2016. 400 с.
4. Зайцева Т. И., Ямаева Н. П. Комическое в удмуртском фольклоре и художественной литературе конца XIX – начала XX века // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 652–661.
5. Зюнова Е. В. Творчество М. Я. Козырева: поэтика сатирических рассказов и повестей: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2007. 234 с.
6. Ибрагимхалилова Л. А. Сатирические жанры лезгинской литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005. 28 с.
7. Коновалов С. М. О сатире // Art Logos. 2020. № 2 (11). С. 24–35.
8. Косинцева Е. В. Формы комического в хантыйской литературе // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 631–637.
9. Косинцева Е. В. Жанр басни в творчестве М. И. Новыхюхова // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 67–73.
10. Налдеева О. И. Жанровая система современной мордовской поэзии: основные тенденции развития, поэтика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2013. 42 с.
11. Метин П. Н. Историко-жанровое развитие комического в чувашской литературе: дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2001. 381 с.
12. Петренко А. Ф. Сатирическая проза М. А. Булгакова 1920-х годов: Поэтика комического: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2000. 201 с.
13. Плаксицкая Н. А. Сатирический модус человека и мира в творчестве М. А. Булгакова: на материале повестей 20-х годов и романа «Мастер и Маргарита»: дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2004. 199 с.
14. Свиридов В. Ю. Сатирический образ Ллойд-Джорджа в периодике русского зарубежья первой половины 1920-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 7. С. 2100–2104.
15. Семенова В. Г., Молокотин А. И. Зарождение сатиры в якутской литературе // Филология: научные исследования. 2020. № 12. С. 146–155.
16. Слугина М. Туст (Оттенки). Саранск: [б. и.], 2021. 168 с.
17. Ханинова Р. М. Из неопубликованного сатирического наследия Михаила Хонинова // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии. 2021. № 3. С. 319–343.
18. Arntzen H. Satire in der deutschen Literatur. Geschichte und Theorie. Vol. 1: Vom 12. bis zum 17. Jahrhundert. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 1989. 408 p.
19. Bowles D. The Ends of Satire: Legacies of Satire in Postwar German Writing. Berlin; Munich; Boston: Walter de Gruyter. 2015. 231 p.
20. Elliott R. C. The Power of Satire: Magic, Ritual, Art. Princeton: Princeton University Press, 1960. 300 p.

21. Feinberg L. *Introduction to Satire*. Iowa: Iowa State University Press, 1967. 293 p.
22. Knight Charles A. *The Literature of Satire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 327 p.

References

1. Bespalova Ye. K., Glukhenkaya L. N. *Postmodernizm Kjerol Jenn Daffi: satira i zhenskoe pis'mo* [Postmodernism of C. A. Duffy: satire and female writing]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences], 2019, no. 5 (71/3), pp. 3–21. (In Russian)
2. Demin V. I. *Komicheskoe v mordovskoj literature* [The comic in Mordovian literature]. Kazan, 1998. 55 p. (In Russian)
3. Demin V. I. *Moj narod smeetsja...* [My people laugh]. Saransk: w/p, 2016. 400 p. (In Erzya)
4. Zaytseva T. I., Yamaeva N. P. *Komicheskoe v udmurtskom fol'klore i hudozhestvennoj literature konca XIX – nachala XX veka* [The comic in Udmurt folklore and artistic literature of the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (4), pp. 652–661. (In Russian)
5. Zonova E. V. *Tvorchestvo M. Ja. Kozyreva: pojetika satiricheskikh rasskazov i povestej* [Creativity by M. Ya. Kozyrev: poetics of satirical stories and short stories]. Kirov, 2007. 234 p. (In Russian)
6. Ibragimhalilova L. A. *Satiricheskie zhanry lezginskoj literatury* [Satirical genres of Lezgin literature]. Makhachkala, 2005. 28 p. (In Russian)
7. Kononov S. M. *O satire* [About satire]. *Art Logos* [Art Logos], 2020, no. 2 (11), pp. 24–35. (In Russian)
8. Kosintseva E. V. *Zhanr basni v tvorchestve M. I. Nov'juhova* [The genre of a fable in the works of M. I. Novjuchov]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (1), pp. 67–73. (In Russian)
9. Kosintseva E. V. *Formy komicheskogo v hantyjskoj literature* [Forms of the comic in Khanty literature]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (4), pp. 631–637. (In Russian)
10. Naldeeva O. I. *Zhanrovaja sistema sovremennoj mordovskoj poezii: osnovnye tendencii razvitiya, pojetika* [Genre system of modern Mordovian poetry: main development trends, poetics]. Saransk, 2013. 42 p. (In Russian)
11. Metin P. N. *Istoriko-zhanrovoe razvitie komicheskogo v chuvashskoj literature* [Historical and genre development of the comic in Chuvash literature]. Cheboksary, 2001. 381 p. (In Russian)
12. Petrenko A. F. *Satiricheskaja proza M. A. Bulgakova 1920-h godov: Pojetika komicheskogo* [Satirical prose by M. A. Bulgakov of the 1920s: Poetics of the comic]. Pyatigorsk, 2000. 201 p. (In Russian)
13. Plaksitskaya N. A. *Satiricheskij modus cheloveka i mira v tvorchestve M. A. Bulgakova: na materiale povestej 20-h godov i romana "Master i Margarita"* [The satirical mode of a man and the world in the works by M. A. Bulgakov: based on the stories of the 20s and the novel "The Master and Margarita"]. Yelets, 2004. 199 p. (In Russian)
14. Sviridov V. Y. *Satiricheskij obraz Lloid-Dzhordzha v periodike russkogo zarubezh'ja pervoj poloviny 1920-h godov* [Lloyd George's satirical image in the Russian diaspora's periodicals in the first half of the 1920s.]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Issues of Theory and Practice], 2022, no. 15 (7), pp. 2100–2104. (In Russian)
15. Semenova V. G., Molokotin A. I. *Zarozhdenie satiry v jakutskoj literature* [The origin of satire in Yakut literature]. *Filologija: nauchnye issledovanija* [Philology: Scientific Research], 2020, no. 12, pp. 146–155. (In Russian)
16. Slugina M. *Ottenki* [The Shades]. Saransk: [w/p], 2021. 168 p. (In Erzya)
17. Khaninova R. M. *Iz neopublikovannogo satiricheskogo nasledija Mihaila Honinova* [Satirical Legacy of Mikhail Khoninov: Revisiting the Unpublished]. *Bjulleten' Kalmyckogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS], 2021, no. 3, pp. 319–343. (In Russian)
18. Arntzen H. *Satire in der deutschen Literatur. Geschichte und Theorie*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 1989. Vol. 1: Vom 12. bis zum 17. Jahrhundert. 408 p. (In German)
19. Bowles D. *The Ends of Satire: Legacies of Satire in Postwar German Writing*. Berlin; Munich; Boston: Walter de Gruyter, 2015. 231 p. (In English)
20. Elliott R. C. *The Power of Satire: Magic, Ritual, Art*. Princeton: Princeton University Press, 1960. 300 p. (In English)
21. Feinberg L. *Introduction to Satire*. Iowa: Iowa State University Press, 1967. 293 p. (In English)
22. Knight Charles A. *The Literature of Satire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 327 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.
sheyanovas@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

ABOUT THE AUTHOR

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.
sheyanovas@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6504-3410